

Владилен Елеонский

Цунами

Дневник офицера внешней разведки

Владилен Елеонский

**Цунами. Дневник офицера
внешней разведки**

«Издательские решения»

Елеонский В.

Цунами. Дневник офицера внешней разведки / В. Елеонский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935377-1

Ординарные задания осложняются неожиданными обвинениями,
угрожающими карьере и жизни, и лишь через много лет офицер внешней
разведки узнаёт истинную подоплёку событий.

ISBN 978-5-44-935377-1

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвёртая	24
Глава пятая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Цунами

Дневник офицера внешней разведки

Владилен Елеонский

© Владилен Елеонский, 2018

ISBN 978-5-4493-5377-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*В книге использованы
стихи Владилена Елеонского
и Александра Мерзляева с его согласия*

Капитану второго ранга Александру Дмитриевичу Ярьсько посвящается

Пролог

*Какой шёл страшный грозный шум от моря,
Какой нетвёрдой стала вдруг земля,
Когда катились два огромных гребня горя,
И бился вопль людей, спасения моля.*

Слова, выбитые на памятной доске в городе Северо-Курильске

Максимальная высота гребня у острова Парамушир достигла восемнадцати с половиной метров, а в самом Северо-Курильске – десяти метров. Представьте, как по вашей улице стремительно катится водяной вал высотой с четырёхэтажный дом!

Сила была такова, что вода сметала буквально всё на своём пути. В открытом океане цунами редко бывает выше метра, однако на мелководье скорость уменьшается, тогда высота резко возрастает и может достичь нескольких десятков метров. Наиболее высокие волны образуются в клинообразных бухтах, отсюда и происхождение японского названия. В отличие от обычной волны на берег приходит вся толща воды – от дна до поверхности, за счёт чего цунами получает чудовищную пробивную силу и продвигается далеко вглубь суши.

Особенно разрушительным оказался второй вал, после него от Северо-Курильска осталась пустыня, а пролив был сплошь усеян сорванными крышами домов, рыболовецкими сетями и обломками сооружений. Через двадцать минут после второго вала последовал третий, менее значительный по высоте, никаких разрушений он не причинил, поскольку прошёл там, где всё было до него смыто в океан.

Примечательно, что о чрезвычайном происшествии на Курильских островах, вызванном ужасным стихийным бедствием, в советскую прессу не просочилось ни слова, и до сих пор о нём мало кто знает, однако не только поэтому я так подробно описал его. Оно оказалось знаковым в моей судьбе, а с недавних пор я думаю, что и в судьбе всей моей необъятной страны. После этого необычного по своей разрушительной силе природного катаклизма вновь пришли в активное движение негативные социальные процессы, суть которых я постараюсь осветить в этой книге.

Когда в девяностые годы прошлого века я впервые с удивлением услышал о том, что имела место упомянутая трагедия, меня поразила одна история, рассказанная с телеэкрана. В четыре часа ночи, за час до цунами, в посёлок пришло оповещение о землетрясении в районе Камчатки. Военный моряк, который служил в то время на острове Шумшу в составе подразделений береговой обороны, схватил двухлетнего сына и побегал на ближайшую сопку, где стоял деревянный сарай. Когда пришёл первый гребень высотой пятнадцать метров, отца и сына вместе с сараем смыло в океан, где они болтались около суток, мальчик от холода и непрерывного плача больше не мог ни плакать, ни двигаться. Сын, весь белый, лежал у отца на коленях, а он был уверен, что не выжить, поскольку океанское течение уносило в открытые воды. Когда береговая полоска скрылась в дымке, рядом на счастье оказался американский траулер, который вместо рыбы выловил крышу сарая и спас умиравшего советского моряка и его ребёнка. Примечательно, что впоследствии мальчик стал военным моряком.

История эта острой занозой засела мне в голову. Она как будто хотела сообщить что-то между строк, нарисовать некий образ, а какой именно, я до поры до времени никак не мог понять. Поначалу мне думалось, что она задела меня потому, что мои отец, дед и прадед были кадровыми офицерами, а я сам с детства мечтал стать офицером, однако вскоре я обратил внимание на странное совпадение.

Дело в том, что родился я в пять часов утра пятого ноября, то есть в тот самый день и час, когда грозная океанская волна пришла на Северо-Курильск. Хотя год не совпадает,

поскольку в тысяча девятьсот пятьдесят втором году мне исполнилось ровно два года, тем не менее, я убеждён, что дата не случайна, чему есть доказательства, однако всё следует рассказать по порядку.

Предварительно замечу лишь, что на протяжении многих лет я вынашиваю историю своей службы во внешней разведке. Толком записать её постоянно не хватает времени, а когда сажусь, наконец, за стол, вдруг приходит предательская мысль, что никому это не нужно. Помучившись, я решил так, – если не потянет на книгу, так хоть зафиксирую на бумаге свои воспоминания для внуков.

Глава первая

*Запугать не запугали,
Но всю жизнь, как под прищелом,
Нервы стали крепче стали,
Бодр душою, да и телом,
Стоит это дорогого,
Стал я чутким, как варан,
Толстокожим, как корова,
И спокойным, как баран.
Александр Мерзляев, Нас не запугать!*

До пяти лет я рос в северной деревне у родителей отца. Там были большая горница и русская печь, на которой мне частенько приходилось спать в пшеничном зерне вместе с кошкой.

Выхватывая горячую картошку в мундире из чугунка, я неизменно получал от деда ложкой по лбу за разговоры во время еды. Поначалу обижался, однако он не просто бил, а терпеливо объяснял, что тот, кто разговаривает за столом, никогда богатырём не станет, поскольку силу свою в разговоре за едой попусту тратит. Эти незамысловатые уроки помогли мне во взрослой жизни. До сего времени стараюсь за едой не разговаривать, и вообще люблю хорошенько подумать, прежде чем, что-либо сказать. Теперь-то я точно знаю, – каждое слово может стать роковым. Зимой на речке сквозь необычайно прозрачный лёд дед показал мне замечательную шуку, прямо как из сказки, и я его окончательно простил.

Затем отец забрал меня в городок на Черноморском побережье, где ему дали служебную квартиру. Он сутками пропадал на работе, и лет в пять, кажется, я впервые услышал от мамы это загадочное и даже таинственное слово – «внешняя разведка», которое стало моей судьбой.

Мы несколько раз переезжали с места на место, о своей работе отец ничего не рассказывал, и о ней я мог судить лишь по некоторым его поступкам. Помню, что когда мне было семь лет, он взял меня на пляж, однако море, несмотря на жаркий августовский день, сильно штормило, и люди не купались. Я строил из песка крепостные стены, и грустил, – в кои-то веки отец уделил мне внимание, обещал научить плавать, а на море, как нарочно, непогода.

Вдруг высокая, под два метра, крепко сбитая длинноволосая девушка с запоминающимися, словно вырезанными из дерева, грубоватыми чертами лица встала и решительно направилась к воде. Местные жители, загоравшие на пляже, крикнули ей в широкую спину, что в такой шторм купаются либо ненормальные, либо самоубийцы.

– А кто, интересно, вы, девушка?

– Да бросьте! – небрежно махнув огромной, как весло, рукой, сказала она. – В кои-то веки первый раз в жизни приехала на один день на море, и буду торчать, как дура, на берегу? Не переживайте, я – мастер спорта по плаванию!

В белую от пены воду вошла она красиво и стремительной торпедой поплыла к горизонту, легко пробивая головой высокие тугие гребни, однако обратно вернуться не смогла, кипящее море не пустило на берег. Мастер спорта по плаванию стала захлёбываться, однако из гордости не пожелала звать на помощь.

Люди столпились на пляже, однако никто не решался войти в воду.

– Вот дура, говорили же ей!

– Смотрите, она теряет последние силы...

– Спасатели, как нарочно, куда-то подевались.

– Да она сама виновата!

Отец пробежал по бетонному волнорезу в тот момент, когда по нему только что прокатилась огромная волна, а другая, не менее высокая, была ещё только на подходе, и, вытянув

над головой сложенные замком ладони, нырнул в бурлящий водоворот. Все затаили дыхание. Мне очень хотелось плакать, и я закусил губу, чтобы не зареветь.

Через минуту произошло чудо, – огромный гребень вынес отца на берег вместе с незадачливой пловчихой, которую он крепко держал за волосы. Воды она наглоталась прилично.

К счастью, нашёлся врач, пострадавшей сделали искусственное дыхание, привели в чувство, а затем её увезла карета скорой помощи. Позже она написала папе проникновенное письмо, а в тот день я подошёл к самой кромке влажной гальки и, сам не зная почему, стал тихо твердить, глядя на беснующуюся коварную стихию:

– Море, ты всё равно хорошее!

– Верно, Саша, – услышав меня, сказал отец, взял в охапку и поднял над собой, чтобы я мог лучше видеть грозные валы, – море любит, когда с ним разговаривают.

– Ты с ним разговаривал, и оно тебя не утащило?

– Конечно!

Позже он научил меня плавать, и объяснил, что во время шторма следует плыть к берегу не по волнам, а вдоль них, тогда море не будет удерживать, – выбросит на пляж. Его морские уроки я запомнил на всю жизнь.

Он скончался внезапно, – остановилось сердце. Когда могильщики копали яму, то наткнулись на рассыпавшийся гроб со скелетом молодой девушки, его отодвинули в уголок и в эту же яму опустили гроб с телом папы. Мне было пятнадцать лет, и врезалось в память – прекрасные светлые длинные волосы, совершенно здоровые белые зубы, рассыпавшиеся на шее яркие, будто только что из рук ювелира алые бусы. Портило картину лишь платье мёртвой девушки, – оно совершенно истлело.

После смерти отца жизнь пошла как-то не так. Надо сказать, что в детские годы я крепко сдружился с детдомовцем Сергеем Спицыным, подвижным смышлёным чубастым худым ровесником с тёмными выразительными глазами и твёрдым упрямым подбородком. Мы часто бегали в кинотеатр смотреть фильмы про войну. Когда количество просмотренных картин перевалило за два десятка, а я рассказал Спицыну о войне практически всё, что знал от папы, мы дали друг другу горячую клятву стать офицерами.

Иногда нам случалось играть с другими пацанами на окраине города, там постоянно околачивались мальчишки из неполных семей, их матери занимались неизвестно чем, а им, кроме гнилой картошки, есть было совершенно нечего. Они собирали и подрывали боеприпасы военных лет, знали массу уличных песен, до сих пор их хриплые голоса и треньканье расстроенных струн стоят у меня в ушах:

«Кто сказал, что мы голь, сорванцы и придурки?

Курим важно в кустах мы сырые окурки,

Держим лихо окурки в зубах, как сигару,

И терзаем струну пропылённой гитары».

Эти мальчики были вечно голодные, таскали еду с прилавков, обирали яблони колхозного сада, а сторож дед Степан каждый раз кричал вдогонку, что обязательно застрелит кого-нибудь из двустволки, как зайца. Они наперебой рассказывали нам о своих приключениях, страшно боялись грозного ружья, однако всё равно лазили через ограду, преодолевая страх.

Ещё они сутками пропадали в Аджимушкайских каменоломнях, а летом жили у рыбаков на Средней косе – острове Тузла в Керченском проливе, занимались раскопками артефактов на горе Митридат, ловили рыбу, уходили на свой страх и риск в походы вдоль побережья Чёрного и Азовского морей. Позже многие из них за различные правонарушения попали в колонии, – вырваться из криминального болота оказалось не так-то просто.

Когда мы подросли, Спицын затащил меня в спортивный клуб, где нас очень скоро научили навыкам борьбы и вождению транспортных средств, а наши бывшие приятели связались с Егором Свистковым. Он регулярно угощал их варёной бараниной, настоящим сыром, московским шоколадом в праздничной хрустящей упаковке, обучил основам вождения мотоцикла, и они смотрели на него, как на олимпийского небожителя.

Спицын знал Свисткова давно, он числился кочегаром в детдоме, и так получилось, что в один прекрасный день Сергей познакомил меня с ним. Егор, весь в причудливых наколках, – купола и голые девицы, – говорил скупно, зато ёмко, впечатляли его глубокие залысины и сморщенный смуглый до черноты лоб с пятью горизонтальными морщинами, больше напоминавшими борозды. Я с удивлением узнал, что Свисткову всего двадцать лет, выглядел он гораздо старше. Новый знакомый показался мне человеком, который знает об этой жизни буквально всё, в особенности он был осведомлён о марках мотоциклов, увлекательно рассказывал обо всех их достоинствах и недостатках. Глядя на болтик, Егор мог легко определить, чей он, – ИЖ-49, Иж Планеты, Восхода или Явы.

В восьмом классе я влюбился в очень симпатичную, как мне казалось, стройную синеглазую девочку с длинными золотыми локонами, которую несколько раз видел во дворе соседнего дома, однако не мог познакомиться, поскольку подходящий случай, как нарочно, не подворачивался. Сергей чутко уловил моё состояние, не знаю, как ему удалось втереться в доверие к прелестной незнакомке, однако вскоре он торжественно представил меня ей, волновался не меньше моего, и, по-видимому, от волнения нёс сплошную околесицу, мол, я увлекаюсь парашютным спортом и могу без парашюта прыгнуть с крыши пятиэтажного дома. Люба восхитительно смеялась, однако даже полный идиот мог легко заметить, что знакомство со мной её не впечатлило, хотя я лез из кожи и, как мне показалось, интересно рассказал о море.

Надо было срочно что-то предпринять, однако, как назло, ничего не лезло в голову. Мы встретились ещё пару раз, уже без Спицына, ходили пешком в парк и на пляж, я угощал её превосходными конфетами, которые нам в дом частенько приносила подруга мамы, но Люба оставалась холодна. Тогда я принялся читать ей свои стихи, которые мне лично представлялись довольно забавными, однако ей, как видно, они таковыми не показались и не произвели на неё никакого впечатления. Её присутствие буквально сводило с ума, я делал всё, что мог, однако взаимности не добился. Люба лишь загадочно улыбалась в ответ и задумчиво созерцала морскую даль.

Наши встречи прекратились, и, оказавшись в тупике, я не знал, что делать. Пока собирался с духом, у неё появился ухажёр – чистенький спортивного вида долговязый юноша с ухоженными волосами и модной причёской. Он въезжал на новеньком двухколёсном мотоцикле во двор Любы один, а выезжал с ней на заднем сиденье.

Спицын, быстро сообразив, в чём дело, навёл справки, – он обладал, кажется, врождённой способностью доставать из-под земли любую информацию, – и выяснил, что ухажёра зовут Роберт, он сынок какого-то местного то ли начальника стройтреста, то ли заведующего продовольственным складом.

– Саша, тебе нужен мотоцикл, тогда ты покоришь её!

– Ха, да где мне взять его, Сергей?

– Соберём из запчастей, инструкторы в клубе помогут.

– А где достать запчасти?

– Может быть, Свистков даст. У него, кажется, есть какой-то хлам.

Мы отправились к Свисткову.

– Запчасти? Тю, какие проблемы, пацаны? За любовь к мотоциклу я дам вам классные детали от М-72!

Этот мощный мотоцикл, удачно переделанный из немецкого БМВ и адаптированный под наши дороги, имел коляску, однако мог запросто ездить без неё. Его часто показывали в советских фильмах о войне и шпионах, и в то время он был мечтой всех подростков.

– Мы любим мотоциклы!

– Слов мало. Докажите!

– Как?

– Вы следите за тем, что выпускает наша промышленность?

– Нет.

– Эх, вы, а ещё комсомольцы! Вот вам задание. Какие в городе мотоциклы ездят, какой именно марки, знаете?

– Нет.

– Короче так, – дадите полную информацию, получите запчасти.

Упустить шанс иметь мотоцикл ради того, чтобы стать великим в глазах любимой девочки, я не мог. Ничего не подозревая, мы стали ходить по дворам и автостоянкам и скоро составили для Свисткова целый список новых мотоциклов.

Однако Свистков небрежно отбросил наш труд в сторону.

– Не верю!

– Как? Почему?

– Укажите места, где они обычно стоят, тогда поверю.

Спицын снова поразил меня. Он взял листок, карандаш и по памяти напротив каждого мотоцикла указал адрес, где его можно наверняка обнаружить. Глянув в по-прежнему недовольное лицо Свисткова, он дополнительно уточнил места, где обычно стоят мотоциклы, – у подъезда номер такого-то, у железных гаражей, расположенных буквой «П», на общей автостоянке, что на углу за булочной, и так далее.

Свистков вырвал листок из рук Спицына.

– Ладно, Серёга, хорош, верю, приходите послезавтра.

– А зачем тебе эти данные, Егор? – не выдержав, спросил я.

Свистков сузил глаза в узкие холодные щелочки.

– Ты, Сашок, вроде бы умный пацан, а дурацкие вопросы задаёшь. Есть специальная секретная служба, улавливаешь? Она проверяет данные официальной статистики, которая у нас, как известно, любит приврать. Я работаю на эту службу, усёк?

Тон Свисткова не оставлял никаких сомнений в правдивости его слов. Мы с нетерпением стали ждать назначенного часа встречи.

Видимо, он действительно всё проверил, и у него всё сошлось, потому что через день он, как обещал, вручил нам необходимые запчасти, только глушителя не оказалось, и когда мы, наконец, собрали свой собственный мотоцикл, ревел он немилосердно. Тем не менее, я был на седьмом небе от счастья, когда понёсся на нём, хотя предательская мысль, что на таком ужасно грохочущем железном коне я, скорее, напугаю Любу, чем покорю её, время от времени мелькала в голове. Никогда не забуду восторженные глаза девочек, глядевших мне вслед, когда я стремительно мчался вперёд, подставляя лицо тугим струям прохладного воздуха, однако у Любиного подъезда меня встретили встревоженные соседи и милиция.

Я спрыгнул на землю и подошёл к толпе. Из вопросов, которые задавал строгий сухарь в штатском заплаканной интеллигентной женщине, – она оказалась мамой Любы, – и её прерывистых взволнованных ответов вскоре стало понятно, что случилось.

Каждое воскресное утро Роберт подкатывал на мотоцикле к подъезду и увозил Любу на пляж парка имени Войкова. Сегодня он, как обычно, заехал за ней. Дочь, как правило, возвращалась через час или полтора, однако в этот раз она не вернулась ни к завтраку, ни к обеду, и родители запаниковали. Кто-то из соседей знал домашний телефон отца Роберта, отец Любы позвонил и застал Роберта дома. Юноша пояснил, что после купания он подвёз

Любу к площади Ленина, ей надо было зайти в галантерейный магазин, так она сказала, в этот момент внезапно налетели какие-то парни в чёрных пиджаках, схватили её за руки, засунули в чёрную автомашину и уехали. Больше он Любу не видел, а родителям не стал сообщать, потому что решил сам разобраться, не вмешивая милицию.

Сухарь стал ругать мать Любы, мол, как она позволила своей четырнадцатилетней дочери, не уродине, между прочим, ездить неизвестно куда и неизвестно с кем. Мать стала буквально реветь в ответ, что Роберт не какой-то там проходимец, а сын известного в городе человека. Я не дослушал перебранку, вскочил в седло и в расстроенных чувствах умчался на окраину Аджи-Мушкая, где меня ждал Спицын. Он очень удивился, увидев, что я вернулся без Любы.

Глава вторая

Когда я рассказал, что случилось, Спицын повёл меня к Свисткову.

– Егор, помоги Саше, дело нечистое, Роберт явно замешан.

Свистков сурово покачал головой.

– Нет, не могу, Серёга, хоть перспективный ты пацан, голову на плечах имеешь, а не репу, никак не могу. Папаша Роберта в авторитете, и что сынок с девочкой сделал, по понятиям меня не касается.

Оседлав какой-то облезлый ржавый мопед, Свистков уехал, а мы, словно оплётанные, стояли у наполовину заваленного входа в каменоломни. Почему Роберту, если он сын заведующего трестом, позволено делать всё, что заблагорассудится? Этот вопрос крепко засел у нас тогда в мозгу.

Внезапно два пацана, которые работали на Егора, впечатлённые видом нашего мотоцикла, рассказали, что видели, как друзья Роберта, два коренастых кривоногих парня, они вроде бы живут в Аджи-Мушкае, затащили девочку, похожую на Любу, в нутро каменоломен.

– Где именно затащили, можете показать?

– Пойдём!

Они подвели нас к узкой вертикальной щели, заросшей колючками, и оттуда повеяло чёрным холодом. Мы со Спицыным переглянулись, не зная, что делать.

– Пошли, чего встали? – со смешком сказали наши отчаянные провожатые. – Мы, кажется, знаем, куда они её потащили...

Наш поход окончился трагически. Надо сказать, что Аджимушкайские каменоломни – это рукотворные пещеры, которые несколько веков вырубал человек, добывая ракушечник. В мае сорок второго года фашисты овладели Керчью, некоторые советские полки прикрывали эвакуацию и были отрезаны от моря. Морские пехотинцы, пограничники, курсанты военных училищ – всего свыше десяти тысяч человек, а также часть местного населения отступили вглубь каменоломен, заняли там оборону и стали совершать дерзкие вылазки, пополняя истощающиеся запасы воды, продуктов, медикаментов и боеприпасов за счёт противника.

Гитлеровцы окружали каменоломни рядами колючей проволоки, взрывали и заваливали входы, нагнетали в штольни дым, устраивали обвалы, однако всё было бесполезно, – сопротивление продолжалось до октября сорок второго года. Наши бойцы уничтожали вражеские посты, танки, корабли на причалах и самолёты на аэродромах. В боях, а также от ран, обвалов, удушья, голода и жажды погибли тысячи советских воинов и мирных граждан. Эти факты стали широко известны относительно недавно, а тогда мы даже не подозревали о масштабах проводившихся здесь боевых действий и не предполагали, какую опасность таят в себе катакомбы, хотя до этого не раз залезали в них.

Наши проводники достали из карманов фонарики, важно выпятили губу и повели нас вперёд, уверенно заявив, что девочку затащили в галерею, и они знают какую именно. В итоге мы зашли неизвестно куда, заблудились и остались под землёй без еды и воды.

Как мы ни старались, всё было бесполезно, – тоннели и коридоры неизменно возвращали нас на прежнее место.

– Надо было идти со стороны провала, оттуда мы сразу вышли бы.

– А зачем вы нас сюда завели?

– Решили, Санёк, что напрямки быстрее. До пролома, знаешь, сколько идти вокруг холма?

– Знаю! Вот и пришли напрямки. Могилу рыть не надо...

Однако судить да рыдить было поздно, горькие упреки, которые мы адресовали нашим непутёвым проводникам, не могли ничего исправить. Шероховатые как щетина огромного дра-

кона плоские своды неприветливо смотрели на нас сверху в тусклых электрических лучах, – у фонариков наших неудачливых провожатых стали садиться батарейки.

Время как будто остановилось, мы совершенно не представляли, сколько прошло часов или дней, лишь острое чувство вначале голода, а затем нестерпимой жажды подсказывало, что часы и минуты по-прежнему существуют и, кажется, подходят к концу. Так заканчивался песок в стеклянных песочных часах, которые я видел у деда в деревне.

Ужас терзал нас недолго, скоро он сменился полным безразличием, и в этот критический момент нам попался колодец. Он стоял в центре подземного зала под довольно высокими покатыми сводами.

Спицын бросил камень в чёрное жерло, и через пару секунд внизу что-то булькнуло. Наши проводники, светя почти угасшими фонариками, залезли в пугающий зев и стали бесстрашно спускаться вниз по ржавым скобам, вбитым в бетон, как видно, хоть таким образом желая искупить перед нами свою вину. После того, как они спустились вниз и крикнули, что вода есть, и они сейчас поднимут её для нас в своих кепках, раздался ужасный взрыв. Сила его была такова, что монолитные своды подпрыгнули, словно картонные, а мы со Спицыным перестали что-либо соображать.

Как выяснилось позже, фашистская мина-ловушка притаилась на дне колодца со времён войны, терпеливо ожидая свой час. В следующий миг нас со Спицыным, оглушённых, не успевших толком ничего понять, завалила коварная осыпь, – видимо, произошло смещение пластов от взрыва.

Повезло, что порода в этом месте была рыхлой, – острые каменные обломки точно убили бы нас. Вскоре мне удалось высвободиться из жестоких объятий, поскольку в момент обвала я стоял за колодцем, и он не дал осыпи накрыть меня с головой.

Освободившись, я долго откапывал Спицына и ободрал в кровь все ногти. В конце концов, мне удалось вытащить его при помощи обломка алюминиевой ложки, который на наше счастье вдруг попался под руку.

Тем не менее, наше положение было отчаянным, все ходы были плотно завалены грунтом. Мы лежали на холодной рыхлой земле и молчали, не в силах не то, что двинуть рукой и ногой, – даже языком пошевелить. Внезапная гибель товарищей буквально раздавила наши сердца, сделав то, чего не смогла сделать осыпь.

Внезапно Спицын поднял голову.

– Видишь?

– Нет.

– Какое-то свечение!

Я тоже поднял голову, и, в самом деле, различил во мраке какое-то странное сияние, оно исходило от излома, который обнажила осыпь. Только сейчас мы заметили, что тьма стала не такой густой. Открывшийся от взрыва излом, кажется, скрывал выход!

Мы пробрались к нише, и, в самом деле, обнаружили узкое вертикальное отверстие. У нас открылось второе дыхание.

К нашему великому изумлению тесный изломанный проход привёл в ту самую галерею, которую никак не могли найти наши несчастные проводники. Они не ошиблись, Любу мы нашли именно здесь. Жалкие всхлипывания подсказали нам направление, и вскоре мы уткнулись в просторное углубление, здесь стройными рядами стояли проржавевшие кровати, оставшиеся, похоже, ещё со времён войны.

В углу на трухлявом ящике горела оплывшая до самого низа свеча, она выхватывала из темноты край убогой кровати, застеленной новеньким матрацем, на котором лежало свернутое калачиком худенькое девичье тело. Мы подняли Любу на ноги, она была целой и невредимой, однако так обессилела, что не могла разговаривать.

Все ходы и выходы из этой галереи мы знали назубок, поскольку часто бывали здесь раньше, только заходили с другой стороны холма. Где-то недалеко отсюда, как мы знали, имелся пролом, он выводил на изрезанный камнями крутой склон.

Когда мы, наконец, вылезли на свежий воздух и увидели восход, головы наши закружились, и сознание едва не покинуло нас. Мы всё ещё не верили, что спаслись. Очень хотелось пить, и мы со Спицыным принялись слизывать росу с мягкой зелёной травы, а затем я набрал её в ладони для Любы. Она выпила живительную жидкость из моих рук и поцеловала меня в щёку. Вот когда я ощутил, что такое настоящее счастье!

Я пребывал в nirване, однако наша любовь закончилась, не успев начаться. Нас стал тягать на допросы тот самый сухарь, оказавшийся капитаном уголовного розыска Кузьминым. Несмотря на описания похитителей, которые я и Спицын дали со слов наших погибших проводников, и которые в точности совпали с показаниями Любы, милиция никого не нашла, и уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления, – якобы имел место безобидный розыгрыш. Прокурор санкционировал решение начальника милиции.

Мы со Спицыным не успокоились, поскольку нас не оставляла убеждённости в том, что сообщники Роберта выкрали Любу для него, инсценировав нападение неизвестных лиц. Мотивы, как нам казалось, были очевидны, – она отказывала ему в близости на пляже, куда он систематически возил её. Моря девочку в каменоломне голодом и жаждой, негодяи рассчитывали довести свою жертву до такого состояния, когда за глоток воды и кусок хлеба она будет готова на всё, однако наше вмешательство спутало им планы. Кузьмин поднял на смех все наши доводы, в то же время искренне восхитился нашему воображению, и, в конце концов, посоветовал навсегда забыть об этом деле.

Родители Любы были нам очень благодарны, однако чувствовалось, что неожиданное близкое знакомство дочери со мной тяготит их. Я с гордым видом заезжал за ней во двор на мотоцикле, теперь здесь со мной первыми здоровались все, однако её постоянно не было дома, как с милой улыбкой сообщали родители, а вскоре меня снова пригласил к себе Кузьмин.

Оказывается, он проверил железного коня, на котором я лихо рассекал по улицам, и выяснилось, что он собран из деталей ранее угнанных мотоциклов. Одним махом капитан раскрыл пять или шесть краж, навесив их, естественно, на меня. Вот такой я сделал ему подарок, а мне вместо благодарности грозило восемь лет колонии. Спасибо, что закрывать он меня не стал, учёл возраст, позволил гулять под подпиской о невыезде, однако переживания мамы оказались хуже тюрьмы. В ответ на мои горячие пояснения, что я ни в чём не виноват, раздавался такой горестный плач, что хотелось зажать уши и бежать из дома, куда глаза глядят.

Следователь мучил меня недолго, мои показания его мало волновали, он их совершенно не слушал, зарывшись очками в моё пухлое уголовное дело, и вскоре отправил материалы в суд. Народный судья Дмитрий Николаевич Яковенко, участник войны, офицер-артиллерист в отставке, внимательно изучил дело и вернул его на доследование. Он не поверил, что пятнадцатилетний мальчик систематически крал мотоциклы в одиночку, не имея ни канала сбыта, ни гаража, ни тайников.

Так в моём деле появился дед Степан, который, как выяснилось, давно следил за деятельностью Свисткова и был очень обеспокоен совращением молодёжи. Торжественно облачившись в свой единственный выходной костюм ещё довоенного покроя, который он надевал только два раза в году, – в День Победы и день рождения товарища Сталина, бдительный дедуля сам, по своей собственной инициативе, явился к следователю. Его показания всё расставили по своим местам. Весь город ахнул, узнав, что Свистков специализировался на кражах новых мотоциклов.

По наводке деда Степана в окрестностях каменоломен оперативники нашли тайный склад, который по-хозяйски основательно оборудовал Свистков. Каких только мотоциклетных запчастей там не было! Именно благодаря тому, что дело вёл судья Дмитрий Яковенко, Свист-

кову, как вору-рецидивисту, дали десять лет колонии строгого режима, а меня освободили от уголовного наказания за отсутствием в моих действиях состава преступления.

После всего случившегося Роберт понял только одно, – ему, в самом деле, позволено делать всё, что он захочет. Парень продолжал жить в своё удовольствие, катал красивых девчонок на пляж, и мы со Спицыным решили отомстить ему самостоятельно, коль милиция и суд бессильны.

Когда я увидел его мотоцикл – ярко-красный, с мягкими чёрными кожаными сиденьями, великолепными зеркалами заднего вида, никелированными боками бензобака, – у меня зануло сердце. Конечно, на Яве-250 Роберту было легко покорить сердце Любы. Двигатель мощностью двенадцать лошадей, бак на тринадцать литров и скорость почти сто двадцать километров в час просто сводили с ума.

Он оставил его у металлического гаража, а сам пошёл домой, как видно, решил перекусить, время было как раз обеденное. Пока он шёл через двор и поднимался к своей квартире на втором этаже великолепного многоквартирного дома, Спицын вставил дубликат ключа, который ему когда-то давно, хвастаясь, одолжили погибшие пацаны Свисткова, завёл двигатель и уехал к обрывистому морскому берегу, где я поджидал его. Вместе мы скатили мотоцикл вниз, в своём последнем прыжке он летел красиво.

Этот угон вызвал в городе очередной переполох. Многие видели, как Спицын оседлал злополучную Яву, и Кузьмин задержал его, однако вскоре выпустил.

– Свидетели путались в показаниях, и следователь, зная судебную практику Яковенко, не стал рисковать, – с загадочной улыбкой сказал Сергей. – Дело прекращено. Забудь о нём, а сыночку заживевшего папаши будет урок!

Лишь через много лет я узнал истинную причину чудесного освобождения Спицына от уголовной ответственности, однако нет смысла забегать вперёд. Мы добились главного, – Роберт прекратил катать красивых, но глупых девчонок на пляж.

Я шёл к Любе герою, а она со слезами на глазах вдруг попросила меня оставить её в покое. Вот когда мне впервые довелось понять, что красивая внешность представительницы прекрасного пола может резко диссонировать с обликом её души. Люба была похожа на свежий полевой цветок, а душа её напоминала чахлый росток на пропылённой безжизненной целине.

Вскоре она переехала в другой город, навсегда покинув славный полуостров Крым, даже не попрощавшись со мной. Она оказалась очень красивой, но самовлюблённой девочкой, не способной на выражение простой признательности. Видимо, история с Робертом сильно испугала её родителей, поскольку он, нисколько не смущаясь, хоть и без мотоцикла, однако продолжал приставать к Любе с недвусмысленными предложениями, а за квартирой постоянно следили какие-то подозрительные юрки оболтусы.

А затем у меня начался новый важный жизненный этап. После окончания десятилетки я предпринял попытку поступить в геологоразведочный институт, так как моя криминальная история, пусть и со счастливым концом, подпортила биографию, и мои документы, направленные в военное училище, якобы где-то затерялись, однако вдруг совершенно неожиданно провалил экзамен по профильному предмету – физике, хотя она всегда была моим любимым предметом.

Год был потерян, пришлось идти работать в службу электрических сетей, где я многое познал о людях, электротоке и разнообразных возможностях практически мгновенной гибели от него. С утра до вечера наша бригада разъезжала по району, обслуживая трансформаторные подстанции и монтируя высоковольтные сети электропередач. «Тока нет там, вот зараза, а ты, Сашка, – фаза, фаза!» – что-то подобное я слышал почти каждый день.

А через год я поступил в высшее военно-морское училище на факультет БРАВ и МП – береговые ракетно-артиллерийские войска и морская пехота, на этот раз мои документы были успешно приняты, видимо удачно составленная характеристика с места работы заслонила

неприятный эпизод нахождения под следствием. О своём выборе никогда не жалел, детская мечта стать офицером по-прежнему была со мной, и успешно окончил учёбу в семьдесят третьем году, после чего был направлен для прохождения дальнейшей службы в войска Балтийского флота. За год до выпуска я женился на Татьяне – дочери офицера истребительной авиации, с которой живу до сих пор с тысяча девятьсот семьдесят второго года, однако как мы с ней познакомились, – отдельная история.

А мечтам Серёжки Спицына стать офицером было не суждено сбыться. Он мчался на какой-то Яве, не знаю, где он её раздобыл, наверное, угнал, неосторожно выскочил на перекрёсток и попал под колёса воинского грузовика, нёсшегося на предельной скорости.

Глава третья

Тёмно-синяя фланелевка (форменная рубаха), синий матросский воротник, чёрные суконные брюки, широкий кожаный ремень с лагунной пряжкой и хромовые ботинки, – вот что пять лет я носил, поступив в училище. Голову украшала фуражка-бескозырка с лентой и кокардой в виде красной звезды в обрамлении золотистых листьев, мы её звали крабом. В белых перчатках с автоматом на груди перед строем своих сверстников, в присутствии начальника училища, преподавателей, курсовых офицеров и мамы, она стояла в толпе приглашённых родителей и плакала, я принял присягу, и потекли мои курсантские будни.

К казарменному положению, дисциплине и жёсткому распорядку я привык довольно быстро, хотя стены училища иногда снятся до сих пор. Замкнутость пространства мы компенсировали разнообразными проделками. Все были на виду, недостатки каждого лежали, как на ладони, и шутки отражали желание посмеяться над странностями или страхами друг друга.

Утром, как удар кнута, хлестнула команда «Подъём!». А один из нас, тот, что всегда поднимался быстрее всех, сноровисто совал ноги в ботинки, шнуровал их одним неуловимым движением и бежал первым в строй, чем удивлял, а иногда раздражал, вдруг заплясал на месте, как танцор кордебалета, и опоздал на утреннее построение. Выяснилось, что кто-то гвоздями прибил носки подошв к паркету. Вспоминая его телодвижения в ботинках, намертво прибитых к полу, мы долго хохотали до упада, а он перестал вставать в строй первым, предоставив это право другим, поскольку теперь прежде чем надеть обувь, брал её в руки и долго ощупывал.

Забавно было наблюдать, как один из нас в ужасе гладит себя по бёдрам, словно они утратили чувствительность. Оказалось, что ночью кто-то аккуратно зашил карманы его брюк.

Другой любил поспать так, что, как говорится, пушкой не разбудишь. Как-то раз после отбоя он, как всегда, сладко захрапел. Мы вынесли его кровать вместе с ним самим в коридор. Утром, проснувшись, он долго не мог понять, где находится. Все, покатываясь со смеху, долго обсуждали его изумлённо хлопающие длинные, как у девочки, ресницы. Уверен, что он до сих пор поминает шутников «добрым словом».

Кто-то до смерти боялся пауков, ему и устроили паука, – распушили верёвочку и стали тянуть под простынёю во время сна. Пробуждение было диким и ужасным. Все просто упали, схватившись за животы. Он, в самом деле, решил, что по нему ползёт ужасное насекомое, и буквально затрясся от страха, сооротив жуткую гримасу.

Лёша Привалов отличался рассеянностью, решили проверить, насколько далеко этот миловидный парень зашёл в своём пороке. Из жестяной крышки от гуаши вырезали подходящий по размеру овал и прицепили к фуражке вместо кокарды. Эксперимент превзошёл все ожидания. Лёша ничего не заметил, ушёл по увольнительной в город, и там, как нарочно, попался на глаза патрулю.

Дежурный офицер, им оказался преподаватель нашего училища Сёмин, налился сухой и холодной строгостью, Лёше светило стопроцентное взыскание, однако увидев предмет, прицепленный к его фуражке вместо кокарды, Алексей буквально побелел и впал в такой жуткий ступор, что прохожие едва не вызвали ему скорую медицинскую помощь. Сёмин, к счастью, вскоре сообразил, что случилось, и отправил Алексея обратно в казарму, наказав срочно исправить нарушение формы одежды и попросив впредь быть более внимательным. Кстати, именно после этого случая мы крепко сдружились с Лёшей. Мне стало его так жалко, что я поклялся никогда больше не подшучивать над ним, и клятву сдержал.

Так мы коротали свободные часы на младших курсах, а повзрослев, забросили это дело. У нас появилось больше свободного времени, мы стали чаще бывать в городе и обзавелись новыми знакомствами.

Достаточно напряжёнными были первые два года, а дальше всё пошло как по маслу, лишь одно событие омрачило учёбу. Офицер-преподаватель, тот самый Сёмин, который когда-то поймал Лёшу с жестянкой на фуражке, по невыясненным до конца причинам покончил с собой. Поползли слухи, и мы узнали, что в отсутствие жены, она уехала к родителям в Брянск, он надел выходную форму, фуражку, взял кухонный нож, вогнал его себе под ребро, лёг на диван, потерял сознание от кровопотери и скончался.

Дело мгновенно засекретили, никакого официального следствия не проводилось, никто не мог понять мотивов его поступка. Говорили всё, что придёт в голову, например, утверждали, что, мол, им с женой по сорок лет, однако детей не было, и, скорее всего, именно это стало причиной трагедии, однако было трудно поверить в такое тем, кто хорошо знал Сёмина.

Жена у него симпатичная, говорили другие, всегда следит за собой, хорошо одевается, а в доме следователи не нашли даже завалящей копейки. Может быть, упреки жены по этому поводу сыграли свою зловещую роль?

В общем, разговоры ширились и разрастались, а правдивой информации не было. Наверное, это необычное дело так и осталось бы загадкой, если бы не ряд неожиданных происшествий.

Как-то раз весной мы с Алексеем запланировали пойти в кино, однако его неожиданно назначили в наряд вместо внезапно заболевшего курсанта, и мне пришлось идти по увольнительной одному. Солнце зашло, и на улицы спустились таинственные синие сумерки. Решив сократить расстояние, я завернул за угол и увидел впереди одинокую тень, которая как раз в этот момент вышла из подъезда и попала в круг света, отбрасываемого фонарём.

Это была видная девушка с ниспадающими до плеч густыми русыми волосами, точёной, словно вырезанной из мрамора фигурой, нежным, как персик, лицом, впечатляющими тёмными бровями и большими светлыми глазами. Она была в новом модном платье цвета морской волны с замысловатыми перехлёстами на чётко очерченных практически идеальных плечах, а её длинные умопомрачительно стройные ноги украшали белые босоножки на высоченных каблуках.

Незнакомка миновала палисад и направилась к оживлённому перекрёстку, до которого надо было пройти несколько сот шагов. Там сиял свет, а в переулке освещение было неважным, вскоре оно почти совсем исчезло.

Я следовал в отдалении, не переставая удивляться, какими красивыми бывают девушки. Тем временем она вошла в полосу грязно-оранжевого света, отбрасываемого каким-то убогим фонарём, и вдруг у металлических мусорных баков к ней подскочили два ярких паренька в тёмных зловеще надвинутых на лоб модных кепках. Один – долговязый и сухой, как жердь, а второй – короткий и кривобокий. Аккуратно подогнанные новенькие серые костюмчики неплохо сидели на них.

В полумраке хищно блеснуло лезвие, моя незнакомка отпрянула назад, а её волшебные алые губы слегка приоткрылись от ужаса. В следующий миг я понял, что им интересна не девушка, а бусы, они были в несколько рядов обмотаны вокруг её нежной шеи, и даже издали бросались в глаза крупные жемчужины и агаты, а на груди светился великолепный сочный аквамарин.

Я кинулся на помощь, долговязый тип обернулся на стук моих каблуков и ощерился неприятными остро торчащими зубками.

– Иди, иди, шагай, краб, тебя это не касается, это наша девочка.

– А она мне понравилась.

– И что?

– Девушка, а кого вы выбираете? – с улыбкой спокойно сказал я ей.

– В-вас, – мило заикнувшись, тихо сказала она в ответ, и у меня сладко ёкнуло сердце от её необычайно бархатного голоса.

– Ах, ты, тварь продажная, забыла, как мы тебя от ментовки отмазали?! – фальшивым голосом взвизгнул Долговязый и замахнулся, чтобы дать ей пощёчину.

Я вовремя успел сильно толкнуть его, и он, отлетев, попал задом в смрадное жерло открытого мусорного бака. Коротышка кинулся ко мне с явным намерением сунуть нож под ребро.

Дальше всё получилось автоматически, до сих пор удивляюсь, как у меня так ловко вышло. Я упал на руки и сделал подсечку. Он кубарем покатился по асфальту, а лезвие жалобно зазвенело в сырой темноте. Грабитель потянулся к нему, чтобы поднять, однако я наступил на нож каблуком, и он поспешно ретировался, а Долговязый исчез во мраке на мгновение раньше.

Я подобрал нож, это была великолепная, хотя и самодельная финка с отливающей узором рукоятью из берёзового капа янтарного цвета и впечатляющим клинком не менее двенадцати сантиметров в длину с лёгким скосом-щучкой, имевшим чрезвычайно острую заточку. В ножах я стал хорошо разбираться ещё со времён занятий в спортивном клубе, к тому же у отца хранилась замечательная ещё прадедовская коллекция охотничьих клинков, поэтому заставить себя выбросить такой замечательный нож в мусорный бак не сумел.

Девушка тихо подошла ко мне сзади и тронула за рукав. Я обернулся, и наши глаза встретились.

В этот волнительный миг мне вдруг стало понятно, о ком я мечтал всю свою сознательную жизнь. В те дни библиотекарь рекомендовала мне познакомиться с произведениями Ивана Ефремова, я как раз читал роман «Таис Афинская», и на миг мне показалось, что это именно она явилась из глубины таинственных веков, встала у мусорного бака в тусклом свете покосившегося уличного фонаря и с восхищением посмотрела на меня. В её взгляде не было ни замешательства, ни страха, ни чопорности, ни показной манерности, она смотрела прямо, открыто и искренне.

– Благодарю вас, вы – герой...

– Просто они не были настроены драться, им ваши бусы были нужны.

– Надо же, решила, наконец, что стала взрослой, первый раз в жизни надела подарок бабушки, и на тебе! Пойдёмте, я вас познакомлю, только ничего не говорите о том, что произошло, у неё слабое сердце.

Знакомиться хотелось вовсе не с бабушкой, однако у меня хватило ума проявить терпение и такт, чем я горжусь до сих пор. Выяснилось, что Татьяна отправилась на концерт Шостаковича, куда её пригласила бабушка, – между прочим, известный в городе искусствовед.

Когда в ступившихся сумерках мы подошли к арочным дверям и ионической колоннаде справа от башни со шпилем, сухонькая женщина с ухоженными седыми волосами, девичьей фигурой, чётко очерченным лицом и пронизательными синими глазами повернулась к нам.

– Танюша, милая, сколько можно ждать? А, понятно...

Она оценивающе окинула меня с ног до головы, и щёки Татьяны сделались пунцовыми.

– Бабушка дорогая, это мой новый знакомый Александр, он проводил меня, ты знаешь, фонари горят не везде, и мне, честно говоря, было страшновато.

– В таком случае вот ему награда. – Замечательная женщина протянула нам пригласительный билет на две персоны. – Тем более, что я тысячу раз слышала этот концерт и знаю в нём каждую до диез, а вам будет полезно, и надеюсь, ты будешь возвращаться домой не одна, иначе я буду волноваться.

Так мы познакомились с моей будущей женой, она мгновенно заслонила весь мир женщин, все они, кажется, вдруг воплотились в ней, и это ощущение остаётся у меня до сих пор. Почему так произошло, я не знаю, может быть, потому, что главная женщина моей жизни, моя мама, скончалась незадолго до этого происшествия.

Через неделю меня поставили в наряд, и Алексею пришлось идти в город одному. В центральном парке у памятника Феликсу Дзержинскому его избил двое неизвестных, забрали

часы и испугали девушку, с которой он только что познакомился, да так, что её увезли в больницу на карете скорой помощи.

Увидев окровавленного потерянного Алексея, я, несмотря на запрет командира, отправился в город после отбоя, когда все легли спать. Алёша увязался со мной, хотя я его отговаривал.

Бог бы с ними, с часами, однако их подарил Лёше дядя, – лётчик-штурмовик, участник войны, получивший тяжёлое ранение под Кёнигсбергом, ставшим вскоре Калининградом. Часы были золотыми, однако они стоили дороже золота, – столько, что никакими деньгами не оценишь.

Помимо этого, возникал вопрос, – кто будет следующей жертвой? Нет, грабителей следовало срочно остановить!

Никого бить я не собирался, был уверен, что блатные сами всё поймут, главное дать намёк, а в том, что здесь присутствовал их почерк, я не сомневался. Алексей рассказал, что они вели себя нагло, по-хозяйски, будто здесь, в городе, все их боятся, и вообще все им должны.

– Будь осторожен, Саша, у них заточки!

Я сразу вычислил похожих субъектов у входа в Матросский клуб, – один долговязый и сутулый, как знак вопроса, а второй приземистый, корявый, цепкий, как терновый куст. Они маячили у колонн, прошивая волчьим взглядом пёструю публику, значительно поредевшую к полуночи. Хорошо одетые парни и девушки обходили их стороной, и им, похоже, это нравилось.

Увидев нас, грабители двинулись стеной, засунув правые руки в наружные боковые карманы модных пиджачков, и я похолодел. Это были те самые типы, которые едва не ограбили Таню!

Я широко и очень приветливо улыбнулся, чем сильно их озадачил. Они остановились, и мы с Лёшей приблизились к ним вплотную.

Долговязый сверкнул своими лоснящимися от слюны острыми зубками.

– А, это ты, краб!.. Опять приковылял малину портить?

– Смотрю на вас, парни, и думаю, у каждого своя дорожка, а как повернётся, никто не знает. Может быть, лет эдак через двадцать...

Сам не знаю, почему назвал эту цифру, однако как в воду глядел! Они недоуменно приоткрыли кривые влажные рты, а я продолжал, как будто ничего не замечая.

– Да, лет через двадцать вы при делах на шикарных лимузинах по проспекту Гагарина поедете, а я в обтрёпанной форменной тужурке со звёздами на погонах и выцветшими медальками на груди замру на обочине, грустно глядя грозному чёрному кортежу вслед.

– Ты, краб, это... забыл чего?

– Я к тому, что делиться надо, а по-тихому у вас сегодня не получится!

Мы с Лёшей стянули с поясов морские ремни с увесистыми бляхами. Наш отчаянный вид и вполне здравые слова, кажется, подействовали, не круглые же они идиоты, в самом деле! За шум, который сейчас поднимется, их ждёт наказание от кураторов. В то, что они действовали так нагло на улицах города по своему собственному почину, я не верил. Им следовало замять дело, однако я не подозревал, насколько эти вёрткие типы были уверены в своей безнаказанности, поэтому недооценил их как противников.

– Я тебе говорил, – пугающим басом сказал Долговязый своему напарнику.

– Говорил, – покорно согласился тот фальшиво тонким голоском.

И они одновременно напали на нас, стараясь одним махом сбить с ног. Ох, поддали мы им в тот вечер от души!

Приехала милиция и отвела нас в участок. Хорошо, что Лёшины часы мы успели забрать, они вывалились у Долговязого из наружного нагрудного кармана пиджака во время стычки.

Милиционеры обвинили нас в нанесении телесных повреждений средней степени тяжести из хулиганских побуждений. Наши запальчивые объяснения по поводу того, что случилось на самом деле, никто не слушал. Лёшу отпустили под подписку о невыезде, а меня задержали на трое суток и посадили в изолятор, поскольку при мне обнаружили финку и возбудили уголовное преследование ещё по одной статье – ношение холодного оружия.

В училище разразился ужасный скандал, меня мгновенно отчислили задним числом, а по мою душу явился следователь. Оказалось, что дело нашего скончавшегося офицера-преподавателя в действительности не было спущено на тормозах, его расследовала прокуратура, и в том месте, где пята лезвия углубляется в рукоять, эксперты-криминалисты нашли следы крови, причём группа крови, оставленная на лезвии, совпала с группой крови погибшего.

В общем, в довершение ко всему меня обвинили в убийстве офицера-преподавателя и инсценировке самоубийства при помощи кухонного ножа. Его заплаканная жена, с отвращением глядя на меня, перечислила, какие ценности пропали. По версии следствия я, убив Сёмина, вынес из квартиры денег и драгоценностей на общую сумму три тысячи семьсот пятьдесят пять рублей, – по тем временам просто бешеные деньги.

Неизвестно, чем бы всё закончилось, а скорее всего, для меня всё точно закончилось бы плачевно, если бы Татьяна, узнав, где я нахожусь, не пришла к следователю, однако он отказался брать с неё показания, мотивируя тем, что она является заинтересованным лицом. Тогда она рассказала всё отцу, – заслуженному лётчику истребительной авиации, и он, надев парадный китель с орденами, полученными во время Корейской войны, отправился к прокурору. Не знаю, какие слова он нашёл, а может быть сыграло то, что начальник городской милиции был его другом, однако на следующее утро следствие развернулось на сто восемьдесят градусов и обрушилось на истинных виновников – Долговязого и Коротышку, а меня выпустили и по ходатайству городского управления внутренних дел восстановили в училище. Более того, по просьбе милиции начальник училища вручил мне подарок за раскрытие тяжкого преступления – фотоаппарат Киев-4, который до сих пор хранится у меня где-то в шкафу. Так я познакомился не только с Татьяной, но и с её бабушкой и родителями, а через полгода мы поженились.

Во время свадьбы, когда мы с Таней поднимались по ступеням ЗАГСА, вдруг краем глаза я увидел в белёсом небе за спиной бестелесную призрачную тень, она мелькнула, махнув крылом, над крышами зданий. До сих пор убеждён, что это мой ангел-хранитель, и он всегда со мной. Благодаря его покровительству я проявлял наблюдательность и находчивость в критических ситуациях, прошёл сквозь все перипетии, дожил до своих шестидесяти семи лет и продолжаю писать весёлые стихи:

«Я мужик без хали-гали, не дебил и не святой,
Просто с детства запугали меня Бабою Ягой,
Мойдодыром и Бабайкой, злобным сереньким волчком,
Тем, что лакомится зайкой и не брезгует бочком!»

Позже мы узнали, что случилось с Сёминым на самом деле. Выяснилось, что убийцы неожиданно подошли на бульваре к нашему преподавателю сбоку, засунули ему финку под ребро по самую рукоять, однако ничего кроме партбилета в карманах не нашли. Тогда они стали изображать из себя прохожих, которые помогают теряющему сознание морскому офицеру. Преподаватель, по всей видимости, не понял, что произошло, и назвал им свой адрес, чтобы они отвели его домой.

Они спокойно повели его по улице, объясняя сердобольным прохожим, что офицеру стало плохо, у него якобы открылась старая боевая рана. Так они довели свою жертву до квартиры и открыли дверь с помощью ключа, который выудили у него из кармана. Заведя раненого внутрь, они осторожно положили его на диван на спину, затем нашли на кухне подходя-

щий по размерам кухонный нож, выдернули финку из раны, обмазали кухонный нож кровью жертвы и бросили на ковёр у дивана рядом со свисающей правой рукой умирающего, а ключи от квартиры обратно засунули ему в карман.

После этого, стараясь не оставлять следов, негодяи обшарили все ящички и сумки и взяли то, что удалось найти, – деньги и ювелирные украшения. Уходя, оставили в квартире идеальный порядок и захлопнули входную дверь на пружинную защелку замка.

Глава четвёртая

В тысяча девятьсот семьдесят третьем году после окончания училища меня направили на Балтийский флот в ракетный полк берегового базирования – посёлок Донское Калининградской области, мыс Таран, самая западная точка Советского Союза. Полк дислоцировался в парке, где ранее размещалась танковая дивизия вермахта Мёртвая голова. Первое жильё я получил в доме, где раньше жили немецкие офицеры, эти дома стоят и сейчас, там по-прежнему живут офицеры полка, однако теперь другой армии.

Всё шло хорошо, служба нравилась, мне досрочно присвоили звание старшего лейтенанта за отличное выполнение манёвров с пятисоткилометровым марш-броском и успешными запусками ракет «земля – море», однако вдруг сменилось командование и поставило вместо старого кадровика – настоящего профессионала, своего человека, который затеял мышиную возню. Опытные офицеры постепенно выдавливались, им на смену всё чаще стали приходиться молодые, дерзкие и амбициозные, умом они не блистали, зато знали, как стремительно сделать карьеру и перебраться в Москву. Таких, как генералы Трофимов и Варавва – героев культового в тот период фильма «Офицеры», в действительности в командовании, кажется, оставалось всё меньше и меньше.

В один прекрасный день после очередных учений пришёл документ, в котором чёрным по белому была указана цифра, всерьёз беспокоившая меня, – количество выпущенных на стрельбах патронов было завышено на порядок. Вначале мне подумалось, что произошла ошибка, однако непосредственный начальник дал понять, что требование исходит с самого верха и негоже нижестоящим офицерам проявлять детское упрямство, однако дело было вовсе не в детском упрямстве, я прекрасно понимал, кто окажется крайним в случае проверки.

Патроны к пулемётам и автоматам Калашникова – не канцелярские скрепки, они стоят дорого, в тех документах, которые мне следовало подписать, речь шла о многих тысячах советских рублей, что по тем временам было огромной суммой. Я буду приписками заниматься, а кто-то наверху на этих ложных цифрах выгадает государственные средства. Ниточка, скорее всего, тянется на склады. Хорошенькое дело! Они рисуют в документах цифры, списывают свои огрехи или, того хуже, наживают дивиденды, воруя народные средства, пущенные на вооружение, а я прикрываю своей подписью их дряблые зады. Нет, участвовать в таких делах я не желал. Чутьё меня никогда не подводило, и криминал я чувствовал кожей за три морские мили. Командиры других дивизионов, видимо, не поняли, в чём суть, ничего такого не увидели и подмахнули документ, а я отказался. С этого момента радость службы улетучилась как дым.

Все мои успехи стали неудачами, а обычные недоразумения, неизбежные на любой службе и в любом деле, превратились в непростительные дисциплинарные проступки. Такого-то числа я пропустил политинформацию, тогда-то вовремя не явился на доклад, в прошлом месяце без уважительной причины отсутствовал на офицерском собрании, а на прошлой неделе нагрубил подчинённому. Формально эти факты можно было интерпретировать как угодно. Кадровика нисколько не интересовало, что на политинформации я не был, потому что находился у зубного врача, на доклад задержался, так как непосредственный начальник вызвал, а подчинённому сделал суровое замечание, поскольку его несуразные привычки обязательно приведут когда-нибудь к порче дорогого оборудования.

Вряд ли было необходимо иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить, куда плывёт дело. Кадровик подводил под неполное служебное соответствие, а следующим этапом планировалось моё увольнение из рядов военно-морского флота. Мало бывших морских офицеров трудится в нашем доблестном народном хозяйстве?

Поразительно, однако, мой непосредственный начальник не мог противостоять явно тенденциозной компании по моей дискредитации. Кадровик продолжал рыть катакомбы под меня

и без устали расставлял мины-ловушки, а что бы я ни делал, всё оказывалось не в мою пользу. При этом он постоянно намекал, что я сам во всём виноват. По тому, как у него загорелись глаза, стало понятно, что мне удалось, того, конечно, не желая, привнести необычайное оживление в его безрадостное канцелярское существование, и теперь каждое утро он шагал на работу, как на праздник.

Нервы натянулись до предела, и у меня, в самом деле, начались проблемы с подчинёнными, начальниками и в семье. Видимо, на том и строился незамысловатый психологический расчёт. Теперь кадровик фиксировал вполне очевидные факты, к тому же появились довольно странные ранее не имевшие место поводы для выпивки, причём отказаться было нельзя, – тогда друзья-сослуживцы просто прекращали со мной разговаривать, и нервы, в конце концов, не выдержали.

Я послал в задницу всех махинаторов, карьеристов и интриганов, причудливо смешавшихся в моём воображении в одном флаконе, и накатал рапорт на увольнение по собственному желанию. Начальник отдела кадров пригладил тонкие волосики на лысине, его чёрные усики довольно встопорщились, он посмотрел на меня как удав на кролика, тихонько взял документ и, не произнеся ни слова, бережно положил его в несгораемый шкаф.

Ничего не изменилось. Увольнять меня, оказывается, никто не собирался, а служба с каждым днём всё больше и больше стала напоминать настоящий ад. Дальше так продолжаться не могло, однако что делать, я не знал. Денно и ночью перед глазами проносилась моя жизнь, вспоминались разные острые эпизоды, иногда всплывало встревоженное лицо отца. Интересно, а как он поступил бы на моём месте?

Я стал вскакивать с постели по ночам, пугая жену, и вдруг в одно такое кошмарное раннее утро мне привиделся сон, который в действительности был воспоминанием. Я снова увидел себя на пляже рядом с неистово бушующим морем, отец держит меня на руках, и я словно с небес слышу его голос.

– Стихия любит, когда с ней разговаривают, Саша.

Очнувшись в холодном липком поту, заснуть я больше не смог, и в тот же день двинулся в отдел кадров к моему мучителю. Усевшись прямо перед ним, я стал рассказывать свою биографию, однако так, чтобы он понял, почему я стал морским офицером.

История моего отца, фронтового разведчика, прошедшего всю Великую отечественную войну с самого первого дня и не получившего ни одной царапины, даже контузии не было, а когда хоронили, люди, которые несли его боевые награды, выстроились в длинную колонну, кадровика, кажется, нисколько не впечатлила. Роль сыграл совершенно неожиданный момент.

Я вспомнил, как мы с товарищем детства спасли из Аджимушкайских катакомб девочку, при этом наши мальчишки-проводники погибли от взрыва коварной фашисткой мины-ловушки, и вдруг на глазах моего неприступного слушателя выступили мутные слёзы. Оказалось, что ему вовсе не пацанов жалко, – просто его дядька, которого очень любила его мама, был пограничником и погиб в сорок втором году в этих каменоломнях.

Наш поначалу сухой, строгий и достаточно официальный разговор, начатый в кабинете, закончился тёплой и душевной беседой у него на кухне за рюмкой чая. Загадочная улыбка вдруг тронула его сиреневые губы.

– Хороший ты парень, Александр Васильевич, однако пойми меня правильно, отстать от тебя я не могу. Система! Она, как чудовищный кит, съест любого, не знаю, понимаешь ли ты, о чём я говорю. Мы для неё планктон, улавливаешь? Пока что могу отправить тебя во внеочередной отпуск, это я организую, однако после отпуска готовься к увольнению. Хочешь, сделаем по состоянию здоровья, а? Будешь упрямитесь, получишь волчий билет – с ним тебя нигде на работу не возьмут.

По пути в Палангу с её замечательными сосновыми лесами, белоснежными пляжами и изумрудным Балтийским морем мы с женой заехали в Калининград и на первом этаже Дома

культуры моряков в ресторане «Бригантина», который в народе именовали «Бригадой», совершенно случайно встретились с Серёжей Спицыным. Я чуть под стол не свалился, увидев своего друга детства, шагавшего прямо ко мне с широкой белозубой улыбкой!

Мы долго трясли друг друга в объятиях, точь-в-точь как герои фильма «Офицеры». Оказалось, что Спицын – моряк заграничного плавания и сейчас как раз сохнет на берегу.

– Сергей, мне сказали, что ты погиб!

– А я, как видишь, жив.

– Выжил после дорожно-транспортного происшествия?

– Можно и так сказать.

Его туманные ответы насторожили, однако я не успел толком ничего расспросить, – вся в слезах прибежала бывшая одноклассница моей жены, она как раз была в Калининграде проездом, и мы договорились встретиться.

– Саша, Ирина погибла!

Ирина была их общей подругой с детства, не так давно она переехала в Калининград, успешно трудилась в бухгалтерии ремонтно-строительного управления, и вот такое несчастье!

У моей Татьяны слёзы навернулись на глаза.

– Как погибла?

– Вчера пошла на обед, её машина сбила насмерть, водитель скрылся.

Моя жена, а вместе с ней и я со Спицыным буквально онемели.

– Какой мерзавец, мать вся почернела от горя, – продолжала быстро говорить подруга. – Я с ума схожу, надо найти этого подонка, ребята! Милиция ничего не делает, только изображает, что ищет.

– А вы знаете, где её сбила машина? – вдруг спросил Спицын, когда наступила зловещая тишина.

– Прямо у крыльца ремонтного управления, где она работает... работала, это напротив пельменной... О, я сейчас с ума сойду!

Мы со Спицыным кинулись в управление, однако опрос вахтёра и сотрудников ничего не дал. Тогда мы заглянули в пельменную, которая оказалась незамысловатой стекляшкой, работавшей только в летнее время.

Здесь наши вежливые и тактичные расспросы сразу принесли плоды. Женщина, мывшая посуду, запомнила Ирину – миниатюрную брюнетку с красивыми тёмными глазами. Она часто приходила сюда, брала свою порцию и скромно садилась в уголок, опасаясь, кажется, лишний раз посмотреть в сторону.

– Волос у неё такой волнистый и чёрный, как смоль. Ах, как жалко девочку!

Вчера её сбил новенький вишнёвый легковой автомобиль и скрылся. В марках машин она не разбирается, однако то, что он был совершенно новый, это точно. За рулём сидел какой-то симпатичный молодой человек, наша свидетельница его не очень хорошо разглядела, однако то, что он был молод, а лицо без бороды и усов, в этом она ручалась. В салоне автомобиля рядом с ним сидела симпатичная юная спутница.

Это сейчас уйма машин различных марок и расцветок, а в те годы было несложно понять, что вишнёвый легковой автомобиль, – это либо Волга, либо Жигули. Вероятность того, что такую редкую по тем временам расцветку имели новые автомобили других моделей, стремилась к нулю.

С помощью Серёжиного знакомого сотрудника Госавтоинспекции мы без труда установили, что в городе имеется всего два недавно поставленных на учёт совершенно новых автомобиля вишнёвого цвета, все они модели ВАЗ-2101. Один принадлежит Иноземцеву Петру Ивановичу, второй – Балясову Геннадию Фёдоровичу.

Пётр Иванович с окладистой бородой бывалого моряка оказался одиноким пенсионером. Он напоил нас чаем с лимоном и охотно рассказал, что государство помогло ему, как ветерану,

приобрести прекрасный легковой автомобиль, на котором он теперь без проблем ездит за продуктами и на дачу, и никто, кроме него, за руль не садится. Гостеприимный хозяин, конечно, поинтересовался о цели наших расспросов, и нам пришлось солгать. Мы сказали, что автомобиль с похожими приметам ударил наш автомобиль у трамвайной остановки на Московском проспекте и скрылся. Теперь мы его ищем, так как милиция не пожелала искать водителя, поскольку царапина на нашем бампере – не повод для привлечения к розыску дорогостоящих сил и средств. Мы считаем, что, несмотря на незначительность происшествия этого человека надо бы найти, таким людям нельзя управлять транспортными средствами. Если мы найдём его, то подадим на него в суд, пусть возмещает причинённый нам не только материальный, но и моральный ущерб.

– Даю вам слово офицера, что я там не был!..

Да и по приметам он был не похож. А вот Геннадий Фёдорович, плотный щекастый мужчина в солидном, однако далеко не пенсионном возрасте, встретил нас совсем по-другому. Услышав наш вопрос, а мы спросили, ездит ли он на своём вишнёвом Жигули, он захлопнул дверь перед самым нашим носом, не желая разговаривать, и вдобавок крикнул, чтобы мы немедленно убирались, иначе сейчас он вызовет милицию.

Я был в форме морского офицера, которая всегда вызывала доверие у наших граждан, поэтому его агрессивное поведение выглядело, по меньшей мере, странным. Пенсионерки на лавочке у подъезда охотно поведали нам, что у Балясова машины нет, однако пару раз видели, как какой-то чисто выбритый молодой человек на эффектной вишнёвой машинке-конфетке подкатывал к подъезду. Он, кажется, племянник Геннадия и живёт в многоэтажном доме новой планировки на Советском проспекте.

Мы поспешили на такси по указанному адресу, и без труда нашли нужный нам дом. Теперь оставалось ждать, сгущались сумерки, однако, к счастью, наше бдение оказалось недолгим. Едва мы засели в импровизированную засаду на лавочку у одного из подъездов, а всего их было два, как вишнёвый ВАЗ-2101 лихо подкатил к соседнему крыльцу, и из автомобиля выскочил с аккуратной стрижкой спортивной комплекции чисто выбритый парень, вроде бы приятный с виду, однако с достаточно заметными нагловатыми манерами хозяина жизни. В руке у него красовался великолепный букет белых роз, такие цветы в то время достать было очень непросто, наши грузовые самолёты в Голландию ещё не летали, а под мышкой он нёс туго набитый портфель.

Следом за ним из машины не вышла, а выпорхнула грациозная стройная девушка в полупрозрачном платье, сквозь которое просвечивало гибкое натренированное тело гимнастки или балерины. Бросив цепкий взгляд по сторонам, парень вместе со своей спутницей быстро прошёл по асфальтовой дорожке через палисад, взбежал по ступеням и скрылся в проёме распахнутой входной двери.

Мы кинулись за ним. Спицын вдруг выхватил из кармана куртки блокнот.

– Саша, не дай ему зайти в квартиру, задержи на минуту, а я быстро осмотрю машину!

Такой завидный профессионализм снова насторожил меня, однако думать было некогда. Сергей встал на колени и заглянул под бампер, а я ринулся за нашим парнем. Пропустив свою очаровательную спутницу вперёд, он успел подняться на второй этаж, достать ключ, и я настиг его у двери в тот самый момент, когда он вставлял его в прорезь замка.

– Одну минуточку, молодой человек!

Глава пятая

Наш парень оставил ключ в замке и недовольно обернулся.

– В чём дело?

– Давно были на машине своего дяди у пельменной напротив ремонтно-строительного управления?

– Никогда там не был. Чего вы людям голову морочите? Какое вам дело? Кто вы?

– Я – жених Ирины, – не моргнув глазом, сказал я, – той самой невысокой брюнетки с большими тёмными глазами, помните? Вы, наверное, куда-то очень спешили.

Веки нашего человека странно опустились, почти полностью прикрыв зрачки, а на губах заплясала наглая ухмылка. Он посмотрел на свою спутницу, и та вдруг так мило улыбнулась, что я без преувеличения просто остолбенел.

Парень покачал головой.

– Ты чего, морячок, сбрендил? Какая Ирина? Пить надо меньше!

Его девушка заразительно расхохоталась. Надо признать, смех у неё был – это что-то, очень обворожительный.

Он небрежно отпер дверь, одним рывком распахнул её, галантно поклонился своей спутнице, и та, ослепив меня загорелыми голыми бёдрами из-под задравшегося вверх края воздушного платья, бабочкой впорхнула внутрь.

Затем он, заметив краем глаза, что я не собираюсь уходить, вдруг резко захлопнул дверь, зачем-то снова запер её, властно развернулся ко мне, достал из нагрудного кармана пиджака внушительную книжицу, обтянутую бордовой кожей, привычно развернул её одной рукой и поднёс к моему носу.

– Ай-ай-ай, как некрасиво получается!

– Что некрасиво?

– На, читай, только о-очень внимательно!

– Помощник прокурора города Калининграда Денисов Сергей Викторович, – машинально прочитал я вслух.

– Кого ловите, ребята?

Я в смущении потёр нос.

– Извините, обознались.

– Смотрите, за такие приставания среди бела дня можно, как минимум, три года колонии получить. Наверное, загуляла с кем-то твоя Ирина, жених! Красивая?..

– Не то слово.

– Красивые они такие, им знаешь, какая узда нужна?.. Папа у тебя кто, – инженер проектного бюро? Сейчас это не котировается. Держи нос по ветру, моряк! Теперь товароведы и заведующие складами сногшибательных Ирин по накладным оприходуют. Дай пройти!

Я был настолько обескуражен, что послушно отодвинулся в сторону. Мы едва не обидели уважаемого человека!

Денисов двинулся вперёд, однако моя ладная красивая чёрная форма задержала его. Он остановился, проникновенно похлопал меня по плечу и загадочно улыбнулся.

– Служи исправно, кашалот, станешь адмиралом, встретимся!

Я счёл целесообразным промолчать, а он, мурлыча по-французски песню Джо Дассена «Si tu t'appelles Melancolie», решительно шагнул на ступень, чтобы сойти вниз, однако в этот момент появился Спицын и решительно преградил ему дорогу.

Денисов с многозначительным хохотком обернулся ко мне.

– Ещё один дуралей! Скажи ему, кашалот...

– Серёжа, это не тот человек, он...

Спицын, не слушая меня, вытянул раскрытую ладонь перед самым лицом Денисова, на ней на чистом листке, только что вырванном из блокнота, лежала сплошь окровавленная тоненькая прядь волнистых чёрных как смоль волос.

– Ты плохо проверил свою машину, приятель, – под бампер-то не заглянул!

Наш человек диким носорогом ринулся по ступеням, но не вниз, а вверх. Я проворно ухватился за край его модного пиджака, однако в следующую секунду толстый портфель прилетел мне в голову с такой силой, что с треском лопнул по швам. Из объёмистого нутра вниз посыпались консервные банки с икрой, палки сухой колбасы, балык, невероятное количество плиток шоколада в разнообразной цветной упаковке и ещё какая-то ужасно дефицитная по тем временам снедь. Фуражка смягчила удар, я устоял на ногах и бросился вверх, туда, где по ступеням, поспешно удаляясь, дробно стучали металлические набойки модных чешских туфель.

Бешеная гонка привела на самый верхний девятый этаж. Здесь я почти настиг беглеца, однако он с разворота хлётко ударил меня острыми шипами роз прямо в лицо, отбросил букет, обезьяной прыгнул на пожарную лестницу, мигом взобрался по ней и юркнул в тёмный проём люка. Колючки больно вонзились в кожу, но я не обращал внимания. Спицын где-то отстал, ждать его было некогда, я немедленно взобрался на чердак и увидел, как тень нашего парня стремительно промелькнула между внушительных рёбер стропил.

Я кинулся следом, однако он неожиданно свалил на меня какие-то козлы, на которых стояла фляга с малярной краской. Белая тягучая жидкость окатила меня с ног до головы, надёжно испортив форму, а мой беглец нырнул в слуховое окно.

Весь липкий и остро пахнувший, я вылез на крышу, однако нашего шустрого человечка нигде не было видно. Скат, крытый железом, был не очень крутой, и я без труда пошёл по нему, однако в следующий момент пожалел, что оторвался от надстройки.

Совершенно неожиданно грохнул пушечный выстрел, и шальная пуля, выпущенная в мою сторону, как видно, для острастки, прожужжала где-то не очень далеко от моего уха. Он был вооружён! У соседнего слухового окна вначале мелькнуло бледное лицо, а следом показалась рука с торчащим в мою сторону воронёным стволом.

Я спрятался за коньком крыши, и под его прикрытием, пригибаясь, кинулся вперёд, стремясь как можно быстрее сократить расстояние и неожиданно выскочить прямо на беглеца. Ориентиром служил остроконечный верх крыши слухового окна, маячивший из-за конька. Раздался ещё один выстрел, а затем вдруг послышался жалобный стон.

В этот миг совершенно некстати мой каблук, густо измазанный жидкой краской, скребнул по гладкому железу, я не удержался на ногах, покатился вниз и едва не свалился с тридцатиметровой высоты. Спасло металлическое ограждение, впрочем, довольно хлипкое. Я с силой вломился в него всем телом, тонкие стойки, накренившись, жутко заскрежетали и вспучили кровлю, однако, на моё счастье, устояли.

Когда я, сняв ботинки, хромя, снова подобрался к коньку, мне открылась следующая картина. Денисов, уткнувшись измазанным ржавчиной лицом в кровлю, растянулся на крыше, а Спицын, оседлав его, крутил ему руки за спину. Я подобрался к ним, одним ловким движением выдернул из брюк Денисова ремень и стянул им пухлые кисти нашего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.